

В случае запроса доказательной информации, а также имущества, которое связано с совершением преступления, они также указываются в ордере.

В качестве заключения отметим, что принятие такого соглашения практически подтвердило его эффективность, поскольку в среднем процедура выдачи при таких условиях длится от 14 до 43 дней с момента задержания лица, значительно уменьшает затраты на проведение выдачи, определяет основания для отказа в удовлетворении ходатайства о выдаче, сроки вынесения решений по данным вопросам, гарантии прав и свобод задержанного и т. д.^{6,7}

Примечания

¹ Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: коммент. судеб. практики и доктрин. Толкование / под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 35.

² Овчаренко О.М. Європейський ордер на арешт – нова форма міжнародного співробітництва у сфері протидії організованій злочинності // Питання боротьби зі злочинністю. Збірник наук. Праць. Х.: Вид-во «Кроссруд», 2009. № 17. С. 164–165.

³ Кубов Р.Х. Правовое и ресурсное обеспечение международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью (по материалам СНГ) // Российский следователь. 2007. № 20. С. 38.

⁴ Peter Villiers Police and Policing: An Introduction // Waterside Press. 2009. С. 59.

⁵ Frances Heidensohn, Martin Farrell. Crime in Europe // Frances Heidensohn. Taylor & Francis, 1991. С. 105.

⁶ Rob Blekxtoon, Wouter van Ballegooij. Handbook on the European Arrest Warrant // Cambridge University Press. 2005. С. 196;

⁷ Larry J. Siegel Introduction to Criminal Justice // Cengage Learning. 2009. С. 324.

Л.С. Алексеенко*

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Частью 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

---

* © Алексеенко Л.С., 2010

Алексеенко Любовь Сергеевна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

Данное положение раскрывается в отраслевых нормативно-правовых актах. В ч. 1 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) положение Конституции Российской Федерации о преимуществе международных договоров Российской Федерации перед национальным правом повторяется.

Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» была ратифицирована Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. с изменениями, внесенными протоколами к ней № 3 от 6 мая 1963 г., № 5 от 20 января 1966 г. и № 8 от 19 марта 1985 г., и дополнениями, содержащимися в Протоколе № 2 от 6 мая 1963 г. (далее – Конвенция), и протоколы к ней № 1 от 20 марта 1952 г., № 4 от 16 сентября 1963 г., № 7 от 22 ноября 1984 г., № 9 от 6 ноября 1990 г., № 10 от 25 марта 1992 г. и № 11 от 11 мая 1994 г., подписанные от имени Российской Федерации в Страсбурге 28 февраля 1996 г.

С момента принятия указанного законодательного акта действие Конвенции распространяется на территорию РФ. Кроме того, Конвенция должна применяться на территории РФ в случае, если положения действующего законодательства противоречат ее нормам.

Вместе с тем возникает вопрос о содержании прав и гарантий, установленных Конвенцией. Конвенцией гарантируется большой круг прав человека. В то же время нельзя не отметить абстрактный характер используемых при этом формулировок. Например, в ч. 3 ст. 3 Конвенции, устанавливающей запрет рабства и принудительного труда, предусмотрено, что принудительный или обязательный труд не включает в себя всякую работу или службу, являющуюся частью обычных гражданских обязанностей. При этом Конвенцией не раскрывается содержание понятия «обычной гражданской обязанности». Можно утверждать, что большинство статей, устанавливающих гарантии прав человека, составлены с использованием терминов, нуждающихся в содержательном толковании.

В целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции и Протоколам к ней, в соответствии со ст. 19 Конвенции учреждается Европейский Суд по правам человека (далее – Суд).

Согласно ст. 32 и 34 Конвенции, в ведении Суда находятся вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случае рассмотрения индивидуальных жалоб на нарушение государством – участником Конвенции прав, гарантированных Конвенцией, вопросы о предполагаемом нарушении положений Конвенции и протоколов к ней государством – участником Конвенции по жалобе другого государства – участника

Конвенции, а также в случае вынесения консультативных заключений по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и протоколов к ней.

Таким образом, конкретные права и запреты, установленные Конвенцией, толкуются Судом в решениях по конкретным делам. При этом содержание того или иного права, предусмотренного Конвенцией, зависит от обстоятельств рассматриваемого дела. Так, например, по делу «Дорохов против Российской Федерации» заявитель утверждал, что условия, в которых он содержался, нарушают ст. 3 Конвенции, устанавливающую запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Суд по данному делу пришел к выводу, что содержание заявителя под стражей в течение 10 месяцев в переполненной камере при отсутствии компенсации ограниченного пространства для сна свободой передвижения, возможности уединения в повседневной жизни, что серьезное переполнение камеры в течение длительного времени является достаточным основанием для признания Судом нарушения ст. 3 Конвенции. Таким образом, Суд расценил содержание в переполненной камере в течение длительного периода как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, несмотря на то что из самого текста ст. 3 Конвенции не следует, что подобная ситуация является пыткой, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением.

Изложенное, а также анализ решений Суда свидетельствуют о том, что Суд при рассмотрении конкретных дел как бы «наполняет» абстрактные права, гарантированные Конвенцией, содержанием, способствует формированию правильного понимания Конвенции.

Учитывая обязательность применения на территории Российской Федерации ратифицированных международных договоров, абстрактность положений Конвенции, а также деятельность Суда, осуществляющего официальное толкование Конвенции, актуальным представляется вопрос о применении решений Суда в национальной уголовно-процессуальной системе.

Следует отметить, что в ст. 1 УПК РФ содержится перечень актов, которыми определяется порядок уголовного судопроизводства, и прецедент к числу таких актов не относится. Вместе с тем к числу источников уголовно-процессуального права отнесены международные договоры Российской Федерации, в том числе Конвенция, содержание которой абстрактно и может быть истолковано только Судом в решениях или консультационных заключениях. Возникает вопрос о том, возможно ли при обнаружении противоречия между национальным законодательством и положениями Конвенции применение норм Конвенции с учетом толкования, данного в решениях Суда.

В настоящее время на территории Российской Федерации правоприменительные органы не опираются в своей деятельности на решения Суда. Исключение составляет Конституционный Суд Российской Федерации, ссылающийся в своих актах на решения Суда по конкретным делам. Несмотря на то что Конституционный Суд не относится к органам, осуществляющим уголовное преследование, и не рассматривает уголовные дела, использование в его практике решений Суда отражается на национальной уголовно-процессуальной системе.

Конституционный Суд, в частности, уполномочен разрешать дела о соответствии Конституции Российской Федерации федеральных законов, а также проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов. Так, например, в Постановлении Конституционного Суда от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, ПТК «Содействие», ООО «Карелия» и ряда граждан» содержится ссылка на решение Суда по делу «Никитин против России».

Следует отметить, что Конституционный Суд ссылается на русский текст данного решения. При этом переводы решений Суда, представленные, например, в СПС «Консультант», СПС «Гарант», имеют статус неофициального перевода.

В названном постановлении Конституционный Суд пришел к выводу о том, что требования правовой определенности и стабильности не являются абсолютными и не препятствуют возобновлению производства по делу в связи с появлением новых или вновь открывшихся обстоятельств или при обнаружении существенных нарушений, которые были допущены на предыдущих стадиях процесса и привели к неправильному разрешению дела, а также указано на то, что аналогичная позиция сформулирована Судом в деле «Никитин против России».

Данным постановлением Конституционного Суда ст. 405 УПК РФ в той мере, в какой она в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда не допускает поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела, не соответствующие Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 18, 19, 21, 46 (ч. 1), 52, 55 (ч. 3) и 123 (ч. 3), во взаимосвязи